

● ● ● ●
Здравствуй. У меня нет
ни бумаги, ни новых строк.
Я догадывался всегда,
что однажды меня оставят язык и слог
и я рухну в почву, в гранит, в песок.
Гриффы буду кружить надо мной,
стремясь отхватить кусок.
И мой Парфенон падёт,
растрещав по швам,
оставив после себя груды пыли и страха.
Гам—
это, в сущности, тело без сна.
Портретисты врут,
рисую старух—как смерть
и смерть—как старух.
А слова—средоточие речи,
её диктат.
И ад—
это просто комната
с массивным чёрным неработающим телефоном
и стрелками циферблата, шагающими назад.

● ● ● ●
Я сегодня сделала почтовый ящик
Для одного письма.
Оно должно прийти откуда-то издалека,
Со множеством разных марок,
А ещё там будет одна пометка,
Наверное, в названии улицы или городка,
Как будто бы оно сомневалось,
Что ему сюда, именно сюда
Надо.

● ● ● ●
Ты был клише разговорным, пойманным
Чужими руками, так,
Что перья смялись, скатались
И сделались вороньими,
Длинными, забуренными по краю.
Кто-то их сохранит, посчитает,
А потом на себя нацепит
И будет у костра танцевать,
Имя твоё вспоминать,
Беду кликать.

● ● ● ●
Здесь всегда выбирали холод первоосновой,
Набивали им трубки,
Вселяли его в слово,
Отчего оно становилось хрупким, но било, словно
Линейка учителя пальцы ученика.

Если здесь умирали,
То не от старости—от мигрени.
В этом городе сквозняки—
Оправдание щели.
От ночных разговоров мороз по коже,
И засыпается с мыслью, что что-то должен,
Но кому—непонятно...
Окна зашторены наглухо, будто платья
Женщин, боящихся холода или взглядов.
Химия первоначально—лишь интересы к ядам.

К горлу (вошло в привычку)
Подтягивается зевота
На рассказы соседки:
Про мужа и про работу,
Про «разорившись на окна—
Дуло семью ветрами»...
Крошечные полотна жизни
Кто-то назвал стихами.

● ● ● ●
Вечера в апреле,
Когда теплее, чем осенью,
Хоть тона похожи.
Когда идёшь, тарачишься на прохожих,
На остатки деревьев в центральном парке,
Когда письмо в кармане с почтовой маркой,
На которой корабль или лучше чайка,
И в графе «Адресант» отпечатано: «Не скучайте,
Вернусь»,—и дата
Двадцатипятилетней давности...
Можно сесть на скамейку, можно
Даже представить рядом тебя,
Жалующегося на погоду,
Потом вместе идти до дому,
Рассуждая о том, что сложно
Задержать дыхание
И уйти наконец под воду.

Вот чемодан—
Он совсем обычный,
Красно-коричневый,
Потрёпанный чуть с боков.
В нём любил лежать коты
(Он внутри тряпичный),
Чуть продрали обивку,
На ручке следы зубов.
Сейчас он приправлен платьями,
Вышедшими из моды,
Играет роль небольшого
Вместительного комода.
На дне его три пластинки
С джазом и русским роком,
Маленькая шкатулка,
Привезённая из Европы,
Сборник стихотворений,
Духов флакончик,
Горстка монеток медных
И медальончик
С фотографией,
Ты точно знаешь с чьёю...
Я возьму его
И надену опять на шею.

Агасферовый путь
к нам ластится пустотой
неисхоженного пространства,
а мы пошли бы
по тропе,
но волны стоят горой.
На пути прилива
есть только мы,
и рост— наш враг,
а также способность мыслить.
И пока мы ждём,
как на нас упадёт волна,
мир проживает десятки жизней.

Там, на берегу,
перед морем стою...
Корабли отплывают,
ибо нужны в бою.
Или в миру,
не здесь,
воздух разрежен,
весь
состоишь из частиц.
Человеческих лиц
не вспомнишь:
они— одно
смотрящее вдаль пятно.

Окромеш этих дней, кроме чёрта, никто не сунется,
Да и тот лишь с листочком пустырника за щекой.
И в оконном стекле перевернутой видится улица,
В зеркале перед иконой— кто-то чужой.
Ветки еловые возле лампадки прячутся,
Медь заливают масляно-чёрной смолой,
Цвет живой с них кто-то соскоблил начисто,
И их некому будет бросать за мной.
Колёса тележные собой заменили мельницы,
А ещё мы на них гадали, когда умрём:
В ветер выйдем, и сколько кругов навертится,
Столько лет мы ещё с грехом пополам проживём.

На каком-нибудь старом архипелаге,
Среди зимы,
Где ты был прогулкою ли, пробегом,
Где почтальоны свои тюки набивают снегом
И столько людей, что твои следы
Выбирают молчать о том, где ты был, где не был.

Там так много людей, что время не успевает.
Вот, допустим, нальёшь себе чай, а он не остывает
В течение ночи, месяца, полугода,
И можно долго сидеть у старенького комода,
Кутаясь в свитера,
И никаких тебе «завтра» или «вчера»,
Лишь тишина с гудками далёкого парохода.

Там нет никаких автобусов, вообще машин.
Все путешествуют пешими, и невредим
Остаётся не тот, кто вместе со всеми шёл,
И не тот, кто отправился в путь с ножом,
А тот, кто как вышел— сразу на снег упал
И уставшего ангела левым крылом писал...

Ночь. Начинаем гадать на гуще...
Светильники трескаются.
Слышится чей-то смех.
Сброшены покрывала—
Прощайте, стулья.
Я знаю, ты будешь счастливее
Всех невест,
А я отращу себе крылья
И спрячусь в улье.
Там появится много знакомых
С расцветшим синим,
Выцветшим серым,
Оранжевым цветом глаз.
Маки в ладони—
Отправлю их бандеролью,
Подписавши с любовью:
Тебе. На Марс.